

RU

Понятие содержания сознания в контексте философии энактивизма Сьюзан Херли

Станжевский Ф. А.

Аннотация. Цель исследования - дать представление о философии Сьюзан Херли и вместе с тем проверить на непротиворечивость существенную для современной когнитивной науки и философии проблему репрезентации и содержания сознания. В статье представлена критика традиционной концепции сознания, в которой когниция рассматривается как интерфейс между восприятием и действием, без сущностной связи между ними. Затронута проблема содержания сознания; показано, что непонятное содержание сознания основано на более слабом виде нормативности, чем языковое сознание. Научная новизна исследования заключается в том, что в отечественную литературу вводится малоизученная мысль С. Херли - женщины-философа, известной в среде англоязычной когнитивной философии. Кроме того, внесены существенные корректировки в понятие содержания сознания и представлена критика доминирующей когнитивной теории. В результате указана связь непонятного содержания с намерением действия и проведен критический анализ понятия содержания сознания применительно к доязыковому сознанию.

EN

Notion “Mental Content” in the Context of S. Hurley’s Enactivism

Stanzhevskiy F. A.

Abstract. The research objectives are as follows: to give an idea of Susan Hurley’s philosophy and to check whether the relevant philosophical problem of mental representation and mental content is non-contradictive. The article criticizes the traditional conception of consciousness, in which cognition is considered as an interface between perception and action, without taking into account interrelation of these processes. The problem of mental content is tackled; it is shown that normativity of non-conceptual mental content is weaker in comparison with conceptual one. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher introduces the name of the woman-philosopher S. Hurley, a figure of the English-language cognitive philosophy whose works are little known in Russia, into scientific use. The author clarifies the notion “mental content” and criticizes the modern cognitive theory. The research findings are as follows: correlation of non-conceptual mental content and action intention is revealed, the notion “mental content” is analysed in relation to pre-linguistic consciousness.

Введение

В настоящей работе обсуждается проблема содержания сознания (прежде всего, непонятного содержания) в энактивизме Сьюзан Херли. Актуальность данного исследования связана с растущим влиянием энактивизма в когнитивной науке и философии сознания, а также с важной ролью понятия содержания сознания внутри доминирующей парадигмы когнитивной науки.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: прежде всего, следует определить общую направленность философии Сьюзан Херли. Это будет сделано в первой части статьи. Затем мы обратимся собственно к проблематике содержания сознания – прежде всего, непонятного содержания.

Методы исследования. Для изучения когнитивной философии С. Херли и, в частности, проблемы непонятного содержания сознания применяется метод концептуального анализа, а также компаративистский метод (сравнение энактивизма С. Херли с радикальным энактивизмом).

Теоретическая база исследования, наряду с работами Сьюзан Херли [5-8], представлена работами известных исследователей проблемы содержания сознания, таких как Х. Л. Бермудес [1], Колин Макгинн [10], М. Тай [12], критикой ментализма и когнитивизма Венсана Декомба [3], работой представителей энактивизма – Д. Хатто и Э. Мийна [9], а также исследователя эмоций Кр. Тэпполет [11].

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно может послужить материалом для преподавания дисциплин, связанных с философией сознания, в особенности учитывая возрастающий интерес к данной области в России.

Общая характеристика энактивизма Сьюзан Херли

Основой энактивизма является концепция динамической взаимосвязи восприятия и действия, а также динамическая связь между мозгом, телом и средой. В настоящей публикации мы рассмотрим идеи энактивизма американско-британского философа Сьюзан Херли (1954-2007). С. Херли принадлежала к динамической парадигме когнитивной философии, которая, в отличие от вычислительной теории или коннекционизма, постулирует эмерджентное возникновение когнитивных процессов из сложного взаимодействия между информационным входом (input), выходом (output) и миром [3, p. 39].

В соответствии с теорией динамических систем, С. Херли стремится опровергнуть традиционный взгляд на сознание, включающий в себя три основных составляющих. Во-первых, традиционная теория рассматривает восприятие и действие как отдельные друг от друга элементы; кроме того, они играют периферийную роль в сознании. Центральная же роль в сознании в традиционных теориях сознания отводится мысли и когнитивным процессам. Таким образом, восприятие и действие, отделенные друг от друга, оказываются отгороженными также и от мысли и познания. Традиционный тип теории сознания основан, по мнению С. Херли, на идее о сознании как о своего рода сэндвиче, состоящем из двух половин – восприятия и действия, причем познавательные процессы (когниция) являются его «начинкой»; другими словами, когнитивные процессы служат интерфейсом между перцептивными и моторными процессами [6, p. 5]. Третья составляющая «мейнстримовых» теорий сознания предписывает объяснять основные свойства сознания при помощи процессов, предполагающих синтаксические связи между независимыми от контекста символами. Рациональность основывается на чисто внутренних процедурах, прежде всего на манипулировании внутренними символами или репрезентациями.

Такая картина сознания подверглась резкой критике со стороны известного французского философа В. Декомба, чьи идеи могут служить фоном для понимания философии С. Херли. По его мнению, в традиционной когнитивистской теории сознание понимается по аналогии с машиной, механизмом, находящимся в дискретных состояниях (пропозициональные установки являются наглядным примером таких дискретных состояний сознания-механизма). Кроме того, важная роль отводится сопоставлению сознания с компьютером: «...некоторые состояния машины можно охарактеризовать как символические состояния, и последовательность таких состояний является исчислением... это исчисление позволяет перейти от “входа” к “выходу”, от проблемы, требующей решения, к решению» [3, p. 166]. В этом контексте Декомб задается резонным вопросом о том, как вообще подобная контринтуитивная теория сознания как исчисления может прояснить нашу психологию и наше разумное поведение.

В своей критике указанной концепции сознания С. Херли отрицает независимость восприятия от действия, а также когнитивных процессов – от сенсомоторных связей. Когниция, по мнению философа, эмерджентно возникает из динамических сенсомоторных систем, сопряженных со средой. Эмерджентность, с точки зрения теории динамических систем, предполагает прерывистое, дискретное изменение структуры по мере непрерывного изменения параметров системы [4, p. 39]. С. Херли придерживается экстерналистской концепции сознания, при которой когнитивная система охватывает не только процессы, имманентные организму, но и петли обратной связи, проходящие сквозь среду. Таким образом, носители когнитивных процессов не обязательно ограничиваются пределами нервной системы или всего организма; некоторые процессы, отвечающие за содержание когнитивного или психического состояния, преодолевают рубеж между внутренним и внешним, между телом и средой. Когнитивная сфера конституируется динамическим сцеплением мозга, тела и среды; причем под последней следует понимать не только естественную (природную), но и социальную и языковую среду.

В традиционной модели сознания восприятие обладает приоритетом перед действием, которое имеет подчиненный и производный характер: сознание пассивно воспринимает сенсорный вход из среды, затем когнитивно обрабатывает этот ввод и реализует результаты когнитивной обработки в действии – следовательно, действие является побочным продуктом чисто ментальной деятельности. При этом перцептивная система и система действия, осуществляющая моторные команды, не обладают существенной связью друг с другом. С другой стороны, современные достижения в области нейронауки (в частности, открытие зеркальных нейронов, обладающих как сенсорными, так и моторными полями) заставляют усомниться в верности традиционной теории сознания [6, p. 3]. К тому же, экологическая концепция сознания показывает непрерывную круговую обратную связь между модуляцией оптического потока при помощи движения и модуляцией движения путем изменений в оптическом потоке. Тем не менее, старые привычки разграничения сенсорной и моторной сфер в когнитивной науке достаточно устойчивы, что объясняется давней традицией, укорененной в XVII веке, в частности, в мысли Декарта и Локка.

С точки зрения С. Херли, следует выделить два основных допущения традиционных теорий сознания. Первое постулирует линейный характер задействованных каузальных процессов: мир – ввод через сенсорные системы – восприятие – когниция – моторные системы – действие – мир. Второе допущение заключается в чисто инструментальном характере отношений между восприятием и действием, при котором восприятие является средством для действия, а действие – средством для восприятия. Сьюзан Херли убеждена, что следует отвергнуть оба эти допущения; для этого следует признать важную роль динамической обратной связи, а также конститутивную,

а не только инструментальную, связь между восприятием и действием. Возможно, в качестве фонового допущения указанных посылок следует принять субстанциалистское понимание сознания, причем субстанция характеризуется границами, определяемыми только ее внутренними свойствами, а не средой [10, p. 15-30].

Круговая обратная каузальная связь между восприятием и действием позволяет рассматривать действия одновременно как в качестве причины восприятий, так и в качестве их следствия; восприятия и действия возникают из сложной динамической системы обратной связи. Отношение между восприятием и действием имеет характер более тесный, чем чисто инструментальная связь. Такая не-инструментальная каузальная связь, по мнению С. Херли, успешно описывается двумя типами теорий – моторными теориями восприятия и контрольной теорией действия. Не вдаваясь в детали, укажем, что в случае последней ключевой идеей является то, что действие выступает в качестве контроля за информационным входом. Действие не управляется исключительно внешним стимулом, но и не является лишь внутренне автономным. После того, как система порождает выход, среда создает возмущения. В зависимости от различных возмущений среды один и тот же выход может давать различные эффекты. Так, под влиянием среды тот же самый проксимальный выход может иметь различные дистальные эффекты, а различные проксимальные выходы могут быть связаны с одинаковым дистальным эффектом. Действия организма адаптируются к изменениям в среде: так, мышечное напряжение модифицируется в ответ на обратную связь из среды, чтобы произвести тот же самый предполагаемый результат. Результат действия находится под контролем, если организм защищает его от возмущений среды адаптивными действиями. Результат намеренного действия находится под постоянным контролем [8, p. 108].

Понятие содержания сознания в философии Сьюзан Херли

Одним из важных понятий в философии Сьюзан Херли является понятие *содержания сознания*. Обычно под содержанием сознания подразумевается содержание психического (ментального) состояния – восприятия, желания, намерения и т.д. С. Херли проводит различие между носителями сознания и содержанием сознания. Носителями являются физиологические (точнее говоря, внеличностные) процессы, служащие необходимым условием для определенного содержания сознания. Так, носителями такого «состояния», как желание отведать мороженое, являются нейронные и биохимические события и процессы в организме. Однако зачастую носители (*vehicles*) ментального состояния не сводятся к внутренним процессам – к тому, что происходит «в голове» субъекта [7, p. 30]. Ярким примером может послужить парный танец, когда содержание сознания одного из партнеров каузально определяется не только имманентными ему мозговыми процессами, но и движениями другого партнера, с которым он образует единую динамическую систему. Одной из серьезных ошибок относительно природы сознания является смешение понятия носителя и понятия содержания сознания, в силу которой, например, нейронные процессы проецируются на субъективное содержание сознания или, вообще говоря, отношения, присущие содержанию сознания, смешиваются с отношениями между носителями. Так, ошибочно полагать, будто переживание двух событий как одновременных требует репрезентации со стороны двух одновременных (нейронных) событий-носителей [5, p. 29]. Именно в силу подобного смешения двух несводимых друг к другу уровней можно прийти к ошибочному выводу о том, будто самость и агентивность субъекта «помещаются» в нейронных, биохимических и тому подобных процессах-носителях. В действительности уровень процессов-носителей и уровень личностного содержания сознания характеризуются совершенно разными типами нормативности.

Учитывая интерес Сьюзан Херли к восприятию и действию, центральную роль в ее философии играет *непонятийное* содержание сознания, не сводящееся к пропозициональным установкам и лингвистическим репрезентациям. С точки зрения философа, именно в силу существования содержания сознания, не имеющего понятийной формы, можно утверждать о наличии сознания у животных или детей в доязыковой стадии развития. Здесь следует прояснить различие между понятийным и непонятийным содержанием сознания. По словам известного исследователя сознания Х. Бермудеса, «основная мысль теории непонятийного содержания заключается в том, что некоторые ментальные состояния могут репрезентировать мир, даже если субъект этих ментальных состояний не обладает понятиями, необходимыми для определения их содержания» [1]. Когнитивный философ Майкл Тай обосновывает существование непонятийного содержания на примере зрительного опыта, который обладает содержанием, определяемым им как богатое и специфическое: «...визуальный опыт обычно содержит больше информации, чем та, которую субъекты способны получить когнитивным образом (в суждении и убеждении)... визуальный опыт представляет мир с точностью и детальностью, которая превосходит те понятия, которыми обладают субъекты этого опыта» [12, p. 519]. Следовательно, в зрительном опыте содержится нечто отличное от понятийного знания.

С. Херли тоже проводит различие между понятийным и непонятийным содержанием. Владение информацией в понятийной форме делает ее свободной от контекста, то есть контекстуально независимой. Понятийное содержание сознания характеризуется возможностью декомпозиции и (ре)комбинации: понятие можно применять в разных ситуациях; одно и то же свойство можно приписывать не только данному предмету, но и другим предметам, а данный предмет, в свою очередь, можно описывать не только с помощью определенного свойства, но и с помощью других свойств [5, p. 134]. В свою очередь, непонятийное содержание сознания не будет обладать подобной гибкостью и независимостью от контекста. Однако это не означает, что оно сводимо только к неличностным информационным состояниям (например, нейронным процессам); непонятийное содержание сознания находится где-то на полпути между объективными информационными состояниями, подобными состояниям машин или роботов, и понятийным содержанием сознания, характерным для взрослой

человеческой личности. Так, в силу непонятного содержания сознания можно утверждать о сознательном ощущении боли у существа, не обладающего понятием боли. Нормативность, присущая понятийному содержанию, богаче и сложнее, чем нормативность, регулирующая непонятное содержание; тем не менее, последнее характеризуется своеобразной нормативностью. Возьмем, например, такой вид содержания сознания, как намерение совершить некое действие – в частности, выбор еды. Если кошка любит больше, например, мясо, чем рыбу, а рыбу – чем кошачий корм, то, согласно минимальным нормам намеренного действия, ей не следует предпочитать кошачий корм мясу. Иными словами, намеренное действие требует поведения, позволяющего провести различие между последовательностью и непоследовательностью [Ibidem, p. 137] – в противном случае действие организма было бы чисто случайным. Разумеется, нормативность предполагает возможность ошибки, и животные могут проявлять непоследовательность – в частности, предпочитая удовлетворение менее базовых потребностей удовлетворению более фундаментальных нужд организма. Существенно именно различие между последовательностью и непоследовательностью – именно оно позволяет говорить о том, что животные обладают способностью к намеренному действию. Что касается понятийных способностей, то они требуют гораздо более существенных нормативных разграничений, прежде всего, артикуляции содержания сознания (например, намерения) при помощи обобщенных понятий свойств и объектов. Не обладая понятийным аппаратом, обезьяна, способная к намеренному действию, исходящему из неких мотивов, вместе с тем, неспособна к обоснованию своих мотивов. Но это не является достаточным основанием для того, чтобы отрицать субъективный опыт обезьяны, ее содержание сознания. Намеренное действие предполагает нормативно регулируемое содержание сознания, вовсе необязательно понятийного характера.

Следует определить характер того сознания, которое удовлетворяет таким минимальным требованиям к содержанию. Прежде всего, такое сознание характеризуется наличием «перспективы», точки или поля зрения. Такая «перспектива» предполагает круговую взаимозависимость между тем, что организм воспринимает и испытывает, и тем, что он делает, а также возможность мониторинга, отслеживания этой связи между восприятием и действием. При этом важным фактором является не только фактическое действие, но и намерение действия – именно возможность проследить соотношение содержания *намерения* и содержания *восприятия* является основой допонятийного, дорефлексивного различия между собой и миром и ощущения способности к действию и самосознания. Таким образом, следует сказать, что существо, обладающее допонятийным содержанием сознания, характеризуется также дорефлексивной формой самосознания, основанной на определенном типе информации о себе. Такое самосознание требует обычной моторной способности к действию и пространственному восприятию, но не требует способности к умозаключению.

Однако самосознание требует доступа к содержанию, относящемуся к себе, хотя этот доступ не обязательно должен иметь когнитивного или понятийного характера; С. Херли говорит об интенциональном доступе к содержанию сознания, основанном на способности к намеренному действию. Для того, чтобы отличить некогнитивный доступ к содержанию от когнитивного, можно обратиться к разнообразным патологическим состояниям, таким как ложная слепота, просопагнозия, аносогнозия [Ibidem, p. 146]. Подобные состояния предполагают различие между способностью использовать информацию эксплицитно и способностью пользоваться информацией имплицитным, латентным образом. В этих случаях люди отрицают сознательное восприятие некоего стимула, но совершают действия, которые свидетельствуют о неявном воздействии информации об этом стимуле. В случае ложной слепоты у пациентов нет ощутимого доступа к информации в слепой зоне, и они неспособны самопроизвольно и намеренно совершать действия, основанные на недостающей информации (например, указать на свет в слепой зоне). Однако если их просят угадать расположение света, то количество верных попыток намного превышает статистическую погрешность, что свидетельствует о воздействии на поведение со стороны неосознанной, имплицитной информации. Однако интенциональный доступ к содержанию сознания требует чего-то большего, чем способность имплицитно использовать неосознанную информацию; он находится между имплицитным доступом и строго когнитивным доступом к содержанию сознания.

Прежде всего, интенциональный доступ к содержанию (являющийся минимальной формой сознательного доступа) предполагает соблюдение определенного условия: организм должен быть способен формировать намерения на основе содержания, предоставленного осознаваемой информацией [Ibidem, p. 149]. Так, если перцептуальная информация относительно знакомого лица имеет сознательный характер, то деятель (человек или животное) должен быть способен к формированию соответствующих намерений (например, сказать: «привет»). В этом случае можно говорить о том, что содержание сознания интенционально доступно животному. Это условие позволяет отличить сознательное состояние субъекта (человека или животного) от просто информационного, но неосознанного состояния. Так, человек, больной просопагнозией, которая лишает пациента возможности распознавать лица, не обладает нормальной способностью формировать намерения (например, помахать рукой при виде знакомого лица) на основе перцептивной информации и, соответственно, не имеет доступа к этой информации. Способность формировать намерения является своего рода критерием доступа к содержанию сознания, то есть критерием сознательного состояния деятеля. Следует отметить, что сознание, как говорилось выше, неразрывно связано с действием.

Хотя доступ к содержанию сознания требует от деятеля способности формировать намерения в зависимости от этого содержания, сами эти намерения иногда могут быть бессознательными. Деятель может осознавать информацию и использовать ее эксплицитно, но намерения, выражающиеся в этом эксплицитном использовании, не осознаются. Это объясняет бессознательную или неосознанную мотивацию поступков, и это же проясняет деятельность животных, которые способны сознательно схватывать ситуацию, не осознавая, тем не менее, мотивов дальнейших действий.

Концепция содержания сознания С. Херли (в особенности, непонятного содержания) представляется одной из самых интересных в современной философии сознания. Она увязывает доязыковое сознание с действием и позволяет обнаружить новые контексты употребления терминов аналитической философии сознания (например, доступ к сознанию). Тем не менее, позволим себе два критических замечания. Первое заключается в том, что в концепции содержания сознания С. Херли недостает эмоционально-аффективного аспекта. В самом деле, по словам философа Кристин Тэпполет, предложившей собственную теорию эмоций, «эмоции репрезентируют (представляют) мир определенным образом, но при этом их содержание является непонятным» [11, р. 12]; по мнению Тэпполет, эмоции могут обладать структурированным содержанием, схожим с содержанием сенсорного восприятия, но все же не обладают пропозициональным содержанием: «...для того, чтобы испытывать эмоции, не обязательно обладать соответствующими оценочными понятиями, например понятием страшного» [ibidem, р. 16]. Следовательно, описание непонятного содержания без учета эмоций является неполным.

Второе замечание более фундаментально. Дело в том, что применение термина «содержание» в указанном контексте проблематично. Эта проблематичность непонятного содержания косвенным образом подтверждается логическими проблемами, связанными с определениями самого термина «непонятное содержание»: так, по словам философа Дж. Ван Клива, большинство определений непонятного содержания имеют форму: «Состояние М с содержанием р имеет непонятное содержание, если и только если С может быть в состоянии М, даже не обладая понятиями относительно р» [2, р. 413]. Дефектом этих определений является то, что переменная С (обозначающая субъекта) появляется только в правой части определения; субъект высказывает, словно *deus ex machina*, а дефиниция определяет, скорее, состояние субъекта, а вовсе не содержание сознания.

Другая, еще более существенная проблема заключается в том, что, как было показано в начале, философия С. Херли носит нерепрезентационалистский характер (напомним о метафоре сэндвича). Однако дело в том, что «содержание сознания» чаще всего используется именно в репрезентационалистском ключе. Именно поэтому, в частности, авторы теории радикального энтивизма [9], по своей сути близкого к теории С. Херли, вовсе отказываются от термина «содержание» применительно к «базовым типам сознания» (*basic minds*), характерным для животных и доязыковых детей. По их мнению, содержание сознания появляется тогда, когда субъекты начинают принимать участие в сложных социально-культурных практиках – прежде всего, в нарративной практике. Таким образом, понятие содержания неразрывно связано с языком. Это сопряжено с тем, что содержание ментального состояния представляет (репрезентирует) мир определенным образом. Такое содержательное представление мира требует схватывания положения дел как обстоящего тем или иным образом, причем в действительности ситуация может складываться не так, как она представлена в содержании ментального состояния. Понятие репрезентационного содержания, таким образом, требует соблюдения определенных условий правильности – истины, точности или правдивости. Содержание сознания должно пониматься в категориях истины и референции. Это нормативное требование является слишком сильным, чтобы применять его к доязыковым типам сознания – животным или маленьким детям. Оно не может соблюдаться в отсутствии языка.

Таким образом, следует провести разграничение между языковой формой сознания, описываемой в категориях содержания, и другой, первоосновной формой сознания. В отношении такой доязыковой, базовой формы сознания Д. Хатто и Е. Мийн [ibidem, р. 93-114] применяют термин пра-интенциональности или ур-интенциональности (*ur-intentionality*), которая заключается в «основанной на восприятии избирательной способности реагировать на информацию без формирования репрезентационного содержания». При этом реакции со стороны таких типов сознания, лишенных содержания, могут быть пластичными, гибкими и чувствительными к изменениям в среде. Дело в том, что паттерн таких сознательных реакций зависит как от прошлого взаимодействия особей (или всего вида) со схожими ситуациями, так и от уникальных характеристик данного контекста. В значительной мере то, что воспринимают организмы, определяется историей взаимодействий – как индивидуальной, так и групповой (под группой понимается вид в случае животных или культурная общность в случае людей). Интересен пример восприятия иллюзии Мюллера-Лиера: последняя вызвана конфликтом между долгосрочной историей базового (доязыкового) восприятия и более короткой историей, связанной с овладением социокультурными практиками измерения, коммуникации и др. Впрочем, люди из племен, живущих в пустыне Калахари, вовсе не подвержены этой иллюзии, поскольку в истории их взаимодействия со средой отсутствуют прямые линии. Из этого следует, что восприятие в значительной мере обусловлено исторической средой [ibidem, р. 175].

Представляется, что этот диахронический фактор, обуславливающий сознание, может быть ценным дополнением к теории С. Херли. Можно предположить, что данная теория ничего не потеряет, если понятие содержания заменить в ней термином, схожим с описанной выше пра-интенциональностью. В самом деле, основная направленность теории С. Херли имеет нерепрезентационалистский характер, и целостность теории не будет нарушена, если избавить ее от реминисценций репрезентационализма.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Следует заключить, что концепция С. Херли проливает свет на доязыковое сознание в его неразрывной связи с действием. Кроме того, проведенное С. Херли разграничение между носителем (*vehicle*) и содержанием сознания, допускающее существование событий-носителей некоего состояния сознания за пределами сознающего организма, позволяет избавиться от призрака интернализма, преследующего философию сознания. Интернализм отождествляет состояния сознания с чисто

внутренними (например, нейронными) свойствами организма. В связи с этим философия С. Херли позволяет устранить распространенное в аналитической философии субстанциалистское истолкование сознания, в силу которого сознание понимается как своего рода субстанция, для которой характерны независимость от других субстанций и отграничение от последних в силу собственных исключительно внутренних свойств. С. Херли, со своей стороны, указывает на динамичность сознания и его сопряженность с действием во внешней среде.

Кроме того, представляется, что используемый С. Херли термин «непонятное содержание сознания» является неоднозначным и проблематичным, прежде всего, потому, что сам термин «содержание сознания» отсылает к репрезентационизму, что противоречит общей направленности философии С. Херли. В связи с этим предложенная выше замена термина «содержание» на другой термин, не содержащий отсылки к репрезентационализму, не нарушит логичности умозаключений С. Херли.

В дальнейшем следует более глубоко изучить соотношение между философией Сьюзан Херли и другими течениями в русле энактивизма. В частности, следует особое внимание уделить идее эмерджентного возникновения сознания из системы мозг-тело-среда. Кроме того, перспективной представляется историко-философская линия исследования, которая позволила бы сопоставить идею «неконцептуального содержания сознания» с теориями, выдвинутыми прагматистами и феноменологами – в частности, с идеей опыта у Дж. Дьюи и идеей допредикативного опыта у Э. Гуссерля.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РФФИ (проект № 20-011-00885: Гендерная ревизия истории философии).

Список источников

1. Bermúdez J., Arnon C. Nonconceptual Mental Content [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2020 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/content-nonconceptual/> (дата обращения: 30.10.2020).
2. Cleve J. van. Defining and defending nonconceptual contents // *Philosophical Perspectives*. 2012. № 26. P. 411-430.
3. Descombes V. *The mind's provisions, critique of cognitivism*. Princeton: Princeton University Press, 2001. 309 p.
4. Hung T. On Susan Hurley's Shared Circuits Model of Action Learning // *NCCU Philosophical Journal*. 2018. № 39. P. 37-70.
5. Hurley S. *Consciousness in action*. Cambridge: Harvard University Press, 1998. 506 p.
6. Hurley S. Perception and action: Alternative views // *Synthese*. 2001. № 129. P. 3-40.
7. Hurley S. The importance of imitation // *Perspectives on Imitation: From Neuroscience to Social Science*. 2005. Vol. 1. P. 1-53.
8. Hurley S. The Varieties of Externalism // Menary R. *The Extended Mind*. Cambridge: The MIT Press, 2010. P. 101-154.
9. Hutto D., Myin E. *Evolving Enactivism*. Cambridge: MIT Press, 2017. 360 p.
10. McGinn C. *Mental Content*. Cambridge: Blackwell, 1989. 226 p.
11. Tappolet Ch. *Emotions, values and agency*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 245 p.
12. Tye M. Nonconceptual content, richness, and fineness of grain // Gendler T. M., Hawthorne J. *Perceptual Experience*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 504-530.

Информация об авторах | Author information

Станжевский Федор Алексеевич¹, к. филос. н.

¹ Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)

Stanzhevskiy Fedor Alekseevich¹, PhD

¹ Saint-Petersburg State Institute of Technology (Technical University)

¹ stanzh@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.10.2020; опубликовано (published): 10.02.2021.

Ключевые слова (keywords): восприятие; действие; содержание сознания; энактивизм; Сьюзан Херли; perception; action; mental content; enactivism; Susan Hurley.